Он не мог отделаться от ощущения, что его жизнь была постоянным кульминационным моментом шутки, которая давным-давно потеряла весь свой юмор. Все, с чем он столкнулся и что пережил, привело к наименее вероятному исходу из всех, и он знал, что это было только начало. Как он мог хотя бы начать понимать, с чем именно он сейчас столкнулся? Казалось, что все до сих пор было напрасно, было только для развлечения тех, кто играл миром, как будто это была их собственная шахматная доска, а он был всего лишь скромной пешкой, посланной выполнять их приказы.

Он покачал головой при этой мысли.

Все было гораздо хуже, чем это. Кто-то, по-видимому, устал от правил и изобрел их заново. Однако он все еще был простой пешкой и стоял в одиночестве, глядя через доску на полный ансамбль врагов.

Фигура в плаще говорила о равновесии, но где оно было? Он оставался в меньшинстве и не в своей тарелке. Из множества вопросов, терзавших его разум, самым насущным был вопрос: что он мог с этим поделать?

Он почти рассмеялся над затруднительным положением, в котором оказался, но не смог этого сделать. Он сталкивался с опасностями на протяжении всей своей жизни, неоднократно либо преодолевал их, либо едва выживал. Это было по-другому.

Он никогда не сталкивался ни с чем подобным, не было опыта, к которому можно было бы обратиться, чтобы помочь ему пережить это. Из всех приготовлений, которые он сделал, это никогда не рассматривалось. С чего бы это вдруг? Было нелепо даже размышлять о таком повороте событий.

Он нахмурился, размышляя о том, что именно он знал о 1970-х годах, и сразу же потерпел неудачу. Он ничего не знал об этом периоде и даже не мог быть уверен, что его каким-то образом перенесли назад по его собственной временной шкале.

Его единственный подобный опыт был здесь бесполезен. Ему было тринадцать, когда они с Гермионой вернулись всего на несколько часов назад, и с тех пор он мало думал об этом. Изучение путешествий во времени никогда не представляло для него интереса, если это вообще было то, чему он подвергался сейчас.

Существовали ли альтернативные вселенные? Если да, то что здесь отличалось от того, что привело бы к той жизни, которой он жил?

Было слишком много переменных, слишком много сомнений, которые не приносили ничего, кроме сильной головной боли.

Даже если бы это была его собственная временная шкала и события развивались бы так, как они развивались без его вмешательства, ему было бы не лучше. Он все равно был бы так же слеп, как если бы его бросили в совершенно другой мир.

Он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и его разум воспользовался возможностью, чтобы задать ему еще больше вопросов.

Если он действительно путешествовал во времени, было ли пророчество, относящееся к нему и Волдеморту, все еще актуально?

Он глубоко сглотнул, когда тяжесть бремени осела внутри него.

Возможно, эти слова еще не были произнесены, но он чувствовал их на своих плечах. Волдеморт был единственной причиной, по которой он был послан сюда фигурой в плаще и какой-то другой странностью, приложившей к этому руку.

Волдеморт, возможно, еще не знал об этом, но Гарри знал, и он не мог не думать, что это все, что имело значение в великой схеме вещей. Конфронтация между ними двумя была неизбежна. Судьба распорядилась так, и если она была такой, как описала фигура в плаще, она увидит свой желанный конец.

"Ни один из них не может жить, пока выживает другой".

Такая мысль принесла ему мало утешения, и он только почувствовал себя еще более беспомощным, чем уже был.

С чего он вообще начал?

Это было то, над чем у него было время поразмыслить, потому что маловероятно, что он уедет отсюда в ближайшее время. И Стажер, и Целитель говорили ему об этом.

"Этого должно хватить", - заявил хирург, садясь с того места, где он изучал ногу Гарри, и вытирая пот со лба. "Ущерб был значительным, но я сделал все, что мог. Если вы будете следовать нашему плану ухода, нет никаких причин, по которым она не должна полностью заживать. Вам очень повезло, молодой человек."

Гарри благодарно кивнул, оценив внешний вид своей ноги, и вздохнул, заметив свой новый шрам. На данный момент это была длинная, сморщенная линия розовой плоти, которая была закрыта заклинанием, вяжущим кожу. Когда он перестанет быть свежим и нежным, он увянет, хотя и не полностью.

"Спасибо", - с благодарностью произнес он.

"Не благодарите меня пока, это только начало вашего процесса заживления", - с усмешкой ответил хирург. "Вы останетесь в этой постели в течение следующих нескольких дней, а затем вам потребуется интенсивная терапия, включающая ежедневные упражнения и растяжку, чтобы ослабить и укрепить ее обратно. Это то, что ты получаешь за попытку исправить это самостоятельно".

Сказав напутствие, мужчина вышел из комнаты, и Гарри снова оказался под присмотром целителя, с которым познакомился несколько часов назад. Она была старше Стажера, который осматривал его, когда он впервые проснулся, и ее имя не встревожило его. Судя по акценту, она была американкой и, очевидно, несколько лет назад эмигрировала сюда со своим мужем, который, как и она, был целителем.

"Он прав", - вздохнула она. "Там было много повреждений, которые нужно было исправить. Я полагаю, что в ближайшие дни вы начнете презирать нас".

Гарри пожал плечами. Он не ожидал, что это будет приятно, но это никак не могло сравниться с укусом василиска или проклятием Круциатус.

"Итак, когда ты получил своего ворона?" - спросила женщина, начиная взбивать его подушки.

Взгляд Гарри скользнул по комнате туда, где птица устроилась на верхушке динамика, его устрашающе белые глаза были закрыты, а голова спрятана под крыло, когда он дремал.

"Я не поймал его, он нашел меня", - честно ответил он. "Он существует уже несколько лет".

Женщина задумчиво кивнула.

"Я представляю, как люди держатся от тебя подальше, когда видят его. Вороны не считаются хорошим предзнаменованием."

"Смерть!" Внезапно Олин пронзительно закричал, напугав целительницу.

"И это не помогает, когда он так говорит", - проворчала она.

Гарри ухмыльнулся женщине. Она пыталась отнестись ко всему этому спокойно, но Олин был довольно тревожен, теперь больше, чем когда-либо, узнав о своем происхождении.

"Он странное существо, - согласился Гарри, - но он очень умен, и это все, что у меня осталось", - добавил он, нахмурившись.

Это было правдой. Ворон был единственным живым существом, которое осталось у него от прежней жизни. У него были свои волшебные палочки, сундук и множество других предметов, но не перед кем было излить душу. Не то чтобы он мог с кем-то поделиться своими проблемами. Даже Дамблдор не поверил бы в то, что с ним случилось, и это было даже в том случае, если бы он вообще был здесь.

Целительница посмотрела на него с сочувствием.

"Мой коллега упомянул, что у вас никого не было. Как это произошло? Извини, - поправила она себя, - мне не следовало этого спрашивать."

"Все в порядке", - пренебрежительно ответил он.

Когда он больше ничего не сказал, она тоже вскоре ушла и вернулась с тарелкой супа и кусочком хлеба на гарнир.

"Ты должен поесть, - посоветовала она, - тебе понадобятся силы".

Он одобрительно кивнул, принимая еду, его аппетит еще не проявился.

"Я не хочу совать нос в чужие дела, но, возможно, вам следует поговорить с кем-нибудь, пока вы здесь. Это все хорошо, что мы приводим в порядок твое тело, но если ты не позаботишься о себе здесь, - продолжала она, указывая на свою голову, - это разъест тебя, что бы это ни было. Просто мысль."

Она снова вышла из комнаты, оставив его наедине с его мыслями.

Это было не так, как если бы разговор с кем-то был для него вариантом. Как кто-нибудь мог понять, через что он прошел и с чем столкнулся сейчас? Они не могли, на самом деле нет. Он был здесь не для того, чтобы попытаться разобраться в том, что с ним случилось, а для того, чтобы встретиться лицом к лицу со своей судьбой.

Как он это сделает, он не знал. Однако что он действительно знал, так это то, что ему нужно было подготовиться. Первым шагом к этому было вылечить его ногу, а затем, что ж, ему придется узнать о мире, в котором он оказался.

Это имело бы большое значение для принятия решения о том, какие шаги он предпримет

дальше.

***

К ее большому облегчению, она выспалась лучше, чем предыдущей ночью, и проснулась с достаточным запасом времени, чтобы подготовиться к послеобеденному чаю с Лестрейнджами. Она не понимала, почему она должна была пойти не так, как от нее ожидали.

Как только Белла и Рудольфус поженились, она уже не часто их видела.

С тех пор как ее старшая сестра бросила школу, Нарцисса не проводила с ней много времени. К тому времени, когда она тоже окончила Хогвартс, у Беллатрикс была своя собственная жизнь и свои собственные друзья. Казалось, у нее было чуть больше минуты, чтобы провести с ней, когда она не была занята тем, чем занималась.

У Нарциссы были свои подозрения. Движение чистокровных набирало значительную силу в течение последних нескольких лет. Даже в школе было много тех, кто подписывался в знак протеста против прав грязнокровок, и худшее держалось в секрете. Все знали об этом, но, как и положено волшебникам, пока это не начало влиять на людей, никто ничего не делал.

Это было то, что происходило сейчас. Нарцисса испытала на себе последствия этих "протестов" во время своих смен в больнице. Люди, подвергшиеся нападению, объясняли, что на них напали фигуры в темных одеждах и белых масках, утверждавшие, что их лорд очистит землю от накопившейся грязи.

Она не сомневалась, что Белла затерялась в этой толпе, и это был только вопрос времени, когда люди начнут обращать на это больше внимания. Когда Министерство наконец сделало это, о том, что за этим последует, было невыносимо думать. Если движение чистокровных имело достаточную поддержку, как она начинала подозревать, то гражданская война вполне могла быть на горизонте.

Она очень любила свою сестру, но ей не хватало самообладания и необходимого такта. Нарцисса часто указывала на этот недостаток в их двоюродном брате Сириусе, но Белла не так уж сильно отличалась, на самом деле. Она просто знала, как включить обаяние, когда это ей подходило.

Отбросив эти мысли в сторону, она закончила принимать душ и вытерлась, прежде чем переодеться в то, что считалось подходящим нарядом. Подойдет простое, но элегантное черное платье. Это было не так, как если бы она присутствовала на балу.

Ей потребовалось несколько минут, чтобы уложить волосы, завязав их в беспорядочный пучок, который она могла держать и в больнице. Таким образом, ей не пришлось бы менять его до начала своей смены.

"Ты выглядишь такой же красивой, как всегда", - прокомментировала ее мать, когда она встретила своих родителей и Беллатрикс в гостиной. "Однажды ты сделаешь кого-нибудь очень счастливым человеком".

"Надеюсь, скоро", - проворчал ее отец.

Нарцисса проигнорировала насмешку и взялась за портключ, который мужчина достал из кармана. После минутного дискомфорта она обнаружила, что стоит вместе с тремя другими перед внушительным поместьем Лестрейнджей.

Это было мрачное место, березы разрослись, а сам дом был построен из серого, мрачного кирпича. В нем не было ничего домашнего, и это было не то место, в котором Нарцисса могла бы представить себя живущей.

"Пойдем, Корвус будет ждать нас", - убеждал ее отец, провожая их через ворота, которые открылись по их прибытии.

Нарцисса последовала за своими родителями и сестрой, которые гораздо больше хотели быть здесь, чем она. Она могла придумать занятие поважнее, чем наблюдать, как лорд Лестрейндж пытается подлизаться к ее дедушке.

К счастью, у двери их встретила его жена. Если бы когда-нибудь и был заключен брак по расчету, то это был бы брак Лестрейнджей. Имельда была теплой и мягко говорящей женщиной. Она была довольно эффектной, ее длинные светлые волосы и голубые глаза были приветливыми и дружелюбными. Рудольфус походил на нее внешне гораздо больше, чем его отец.

Корвус был темноволосым, изможденным мужчиной, который мог бы сойти за восковую скульптуру. Нарцисса верила, что если он выдавит улыбку, кожа на его лице отвалится от напряжения. Когда он заговорил, то делал это со стиснутыми зубами, его почти черные глаза были тусклыми, как ноябрьское утро. Рабастан очень походил на него внешне и по характеру. Ни в том, ни в другом она не видела ничего такого, что можно было бы квалифицировать как искупительные качества.

Даже когда они пытались быть вежливыми, казалось, что они почувствовали запах чего-то глубоко неприятного.

"Друэлла, рада тебя видеть", - сказала Имельда с искренней нежностью, взяв руки матери в свои.

"И ты", - ответила ее мать.

Эти двое были друзьями в течение их собственных лет в Хогвартсе. Когда-то давным-давно Имельда была Селвином, еще одной семьей, плодовитой тем, что выпускала студентов Слизерина.

"Посмотри на себя", - сказала Имельда, отрывая ее от своих мыслей. "Ты выросла и стала очень красивой женщиной".

"Спасибо", - вежливо поблагодарила Нарцисса.

Имельда одарила ее лучезарной улыбкой, прежде чем вспомнила, зачем они здесь.

"Прими мои извинения. Ваш Лорд уже прибыл со своей женой, а также Орион и его спутники с Сириусом и Регулусом", - сообщила она им. "Пойдем, я проведу тебя сейчас".

И снова она обнаружила, что следует сзади, когда ее вели по величественному дому. Внутри было более уютно, чем снаружи, но пройти мимо этого было невозможно; дом был не из приятных мест.

Пройдя через три разные комнаты, используемые для приема гостей, они были выведены на территорию в задней части дома, где для них был накрыт стол.

Там сидели присутствовавшие Блэки, а также трое других Лестрейнджей и три блондинки, одну из которых она узнала по школе.

Люциус был на год старше ее и почти отвечал за Слизерин. Ходили слухи, что именно он возглавлял там движение чистокровных, но это так и не было доказано. Было даже несколько неприятных инцидентов, хотя ни один из них никогда не был связан с ним.

Нарцисса дистанцировалась от подобных вещей. Она была слишком сосредоточена на своей собственной работе, чем на том, чем занимались другие студенты. Люциус всегда оказывал ей уважение, которого требовало имя ее семьи, но в целом они мало общались друг с другом.

"Лебедь, я рад, что ты смог присоединиться к нам", - заговорил Корвус, его тонкие губы едва шевелились, и в его словах не было той теплоты, которая была у его жены.

"Спасибо, что пригласили нас", - сердечно ответил ее отец, "И Абраксус, рад тебя видеть. Прошло уже некоторое время."

"Так и есть", - вежливо признал патриарх Малфоев. "Я только что сказал твоему отцу, что не видел тебя".

"Кое-что, что нам придется исправить", - ответил Лебедь, садясь и жестом приглашая Нарциссу, Беллатрису и ее мать сделать то же самое.

"Конечно, я всегда в вашем распоряжении", - ответил блондин, наклонив голову.

"Теперь, когда вы закончили целовать задницы друг друга, можем мы теперь поесть?" раздраженно вмешался ее дедушка.

Казалось, что чем старше он становился, тем меньше у него оставалось терпения к формальностям, на соблюдении которых он когда-то настаивал.

"Конечно, лорд Блэк", - согласился Корвус, махнув рукой через плечо, жестом приказывая подать еду на стол.

Прибыла команда не менее чем из восьми эльфов в фартуках с фамильным гербом Лестрейнджей. Как только они выгрузили блюда, которые несли, они отвесили своему хозяину поклон, прежде чем исчезнуть без предупреждения.

Нарцисса взяла себе бутерброд с огурцом и выпила немного чая, пока сидящие за столом болтали между собой. Ее глаза, как и у Сириуса, не отрывались от тарелки.

http://tl.rulate.ru/book/83720/2681103